АЛМА-АТИНСКИЕ педагоги любят свой юношеский театр. Немало хороших спектаклей посмотрели в нем и ребята, и старшеклассники, да и взрослые зрители.

В спектаклях ТЮЗа и молодежь, и ее воспитатели нередко находят ответы на волнующие трудные вопросы, с их помощью глубже понимали то, что мучило, могли быстрее, вернее обнаружить и обезвредить «врагов», мешающих лучше учиться (учить!), лучше дружить, чище, красивее, счастливей жить.

Много лет прошло с тех пор, как театр показал спектакли «Аттестат зрелости», «В добрый час», «Страница жизни», «Машенька», «Аленький цветочек», а их до сих пор вспоминают. Не забыли благодарные зрители и более поздние спектакли — «Мята», «Вей, ветерок!» Все это большие, интересные работы, вдохновшие и творческий коллектив, и зрители.

А ведь подавляющее большинство наших зрителей идет в театр, конечно, не для того только, чтобы отдохнуть, развлечься, — хочется хорошего душевного волнения, радужный, помогающих глубже взглянуть в себя, разобрататься во всем «почему?», глубже понять, чем живет, дышит наш сегодняшний день.

Хорошо начал театр текущий сезон. Спектакль «Имением революции» стал дорог юношеству прежде всего потому, что в нем алма-атинские ребята, юноши и девушки впервые полностью воплоти образ Владимира Ильича Ленина. Удалось ТЮЗа в этом сезоне осуществить и давно лелеяемый творческий замысел: поставить бессмертную комедию Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума». Об этих постановках уже говорилось на страницах «Ленинской смени», а вот о новых спектаклях «Д тебя найду» и «Сомбреро» пока не удалось обменяться мнениями.

Лет ничего удивительного в том, что театр остановил свой выбор на пьесе Б. Уелленской и Л. Ошанина «Я тебя найду». Она довольно остро ставит не новые, но всегда актуальные вопросы о методах воспитания, о взаимоотношениях среди старшеклассников, говорит о трудовом воспитании в школе и многом другом, тесно связанном с насущными делами поколения, готовящегося к вступлению в самостоятельную жизнь. Жаль, что театр, выбирая эту, в общем нужную пьесу, не стал ее строгим критиком, не попытался, не захотел (или не сумел?) проловить ее слабых сторон, которые заметно ухудшили спектакль.

Пожалуй, нечто останавливаться на очень уж прозаичных, местах таких не

увлажних стихах Ошанина, вроде:

С тех пор, как видеть
наступил мой срок...
И так молчит, как след
от полоза саней...
Детала то в стихах, то
в прозе...

и так далее, в таком же духе. Здесь режиссер бессилен.

Если невозможно было вычеркнуть из списка действующих лиц мать Глеба Прину Михайловну, ушедшую от мужа, никак не влияющую на ход событий, то избежать мелодрамы в сцене смерти (опять-таки не обязательной) отца Глеба было вполне в силах артиста М. Любимцева и режиссера спектакля А. Мадисского. Игра Любимцева душевна, трагична, но актеры так перестарались, написав Семерова ангелом во плоти, что моменты возничающая фальшь сводит на все хорошее.

Какие бы ни делались скидки, как бы ни выписыва-

мало, и все-таки он смотрит-ся. Искренни, живоенно достоверны Глеб — артист В. Тарасов, Катя — артистка Е. Пфейф. Молодые артисты, понятно, не поражают сценическим мастерством, но они немало поработали, играют тепло, по-юношески чисто сумели донести до зрительного зала все очарование радости и горестей первой любви.

Новой творческой удачей порадовал в этом спектакле артист С. Иванов, играющий директора школы Капитана Захарова: ее было тем труднее, что Иванов перед ролью Капитана упорно работал над образом Владимира Ильича, неустанно «включал» в него, всего что к нему отдал.

Естественно, у многих возникла мысль: не перенесет ли Иванов невольничества одного образа в другой ипоточный, жестовый... Нет, напрасные опасения, этого не случилось. Новая работа еще раз свидетель-

тель для того, чтобы доказать, как нехорошо подходить друг к другу, не нашел ничего оригинальнее, чем испытанный прием старинных поделок — передавание. Правда, костюм для героя (главная сюжетная часть которого — самбиро с необъятными полями)

впрочем, остроумил, выдумки авторской и режиссерской (режиссер В. Ногалесен), с умноло повторившими переделываниями, разнообразными уходами и выходами.

Хорошо написан и выразительно сыгран И. Васильевский Вова Пестиков. Если бы она недином не повторила того, что сделала раньше в спектакле «Имением революции».

В спектакле, кроме артисток Рештиниченко и Шестаковой, участвует молодежь театра — это и Н. Величенко (Адриан с генеральской дачи), и О. Кузнецова (Вадим), и Е. Пфейф (Алла). Всех их надо еще многому учить, со всеми — много, упорно работать.

В связи с этим хочется затронуть один из больших вопросов ТЮЗа: текущие кадры, неумение или нежелание дорожить ими. Что ни сезон — новые имена, которые даже запомнить не успеваешь. Меняются режиссеры, меняются актеры. Почти никто не осталось из любимых артистов молодежи: в Смоленске с успехом играет талантливая Д. Хмянина, воспитанница Алма-Атинского ТЮЗа, окончившая его студию; в Грозном — И. Чариков, завославший юношеские сердца обаянием созданных им глубоко жизненных образов героя нашего времени — советского молодого человека; во Владивостоке — Ю. Слободян и Ю. Розова; в Краснодаре — И. Кулаковская — одаренные, очень нужные театру молодые артисты; после десяти лет работы (прямо с студенческой скамьи) ушел из ТЮЗа в кинотеатру Л. Боксерман...

То, что театр стал выпускать непопулярные спектакли, то, что так неосмотрительно претерял свою одаренную молодежь, тех, на кого следовало опираться, и пока не нашел ни равноценной замены,стораживает, заставляет призадуматься: все ли благополучно в театре? Четырнадцатилет лет завесывал он свою добрую славу, немало сил потратил на то, чтобы стать любимым театром нашей молодежи, а ведь добрую славу надо беречь — потерять ее неодолю. Зато попробуй вернуть, потерянное доверие — ой, как трудно!

Е. ЕЛАНЧИК.

ДОБРУЮ СЛАВУ НАДО БЕРЕЧЬ

О работе Государственного театра
для детей и юношества Казахстана

лись весьма шаткие психологические мотивировки — логика характера, диния поведения учительницы Рукавишниковой грешат противоречиями, натяжками. Артистка Т. Думная играет отлично, она очень выросла за последние годы, но ей необходимо было выскателиться переигрывать все краски своей артистической палитры, чтобы тыкнуть, оградившие воплотить этот слишком «заданный» авторами характер. Ведь нельзя же все время принимать хотя бы возмущительную по своей примитивной назойливости сцену Рукавишниковой с Андреем Андреевичем Семеровым. Превеличным занятием грозит сцена с Катей... Зорче взглянуть на них долгием был и глаз режиссера.

Ненего и говорить о таком оскотененном шаблоне, как образ комсомольского секретаря Бутягина (арт. Г. Листопадов), карьериста (это школьника-то!), сухаря-бюрократ, но скрившим голову, с глумой «руководящей» паткой... Есть, правда, и новый штрих — как-то то элеенные стилизм феточности на брках, но этого, конечно, слишком мало для того, чтобы обновить штампы. Бутягин не вызывает даже улыбки — надоело! А каким Листопадов был слываным Олегом в «Поисках радости!» Снова и снова — режиссерский недостаток. Ведь артист молодой, но очень опытный...

Досадного в спектакле не-

стает о большой увлеченности артиста, его издумчивости. Кульминационная сцена Капитана с Рукавишниковой в последней картине прозвучала с большой силой. Но есть у Ивановой — Капитанова моменты, когда вдруг начинается притупить чрезмерная слабость, — хотя бы в последней картине, где к Глебу приходит Ирина Михайловна... Как же важно чувство меры даже и в обрисовке положительного героя!

Но так хотелось, чтобы весь спектакль смотрелся на одном дыхании, чтобы не было в нем сентиментальных, неубедительных, фальшивых сцен, чтобы артисты и режиссер мобилизовали всю свою творческую энергию, все профессиональные мастерство и не выпускали бы «сырого» спектакля, в котором столько еще спорного, столько всеяких недоделок...

Спектакль «И тебя найду» оставляет чувство неудовлетворенности, но он, бесспорно, и будит мысль, и пытается решать важные вопросы. А как обстоят дело с последней премьерой ТЮЗа — пьесой Сергея Михалкова «Сомбреро»? Появление спектакля для шестиклассников не могло не обрадовать ТЮЗ редко валет новыми постановками подростков. Чему же научит, что подскажет нашим ребятам новый спектакль, как его поставят, сыграют? Улучши ли театр весьма посредственную пьесу Михалкова, в которой ав-

привозится прижимком из Мексики, что, конечно, ново и очень актуально...

Отарывается занавес, и праздничное настроение, которое обязательно сопровождает нас, когда вы справляетеь в театр, нарастает; чудесно оформлен спектакль! Яркие грозды сирени прямо оплемяют своим величолепием, невольничеству, что пейзаж во зрительному залу поплывает волна неповторимого аромата сирени, весны, так неожиданно вравшейся в феврале... Большую радость приносит эта работа художника Г. Маковской.

Начинается спектакль, и постепенно, от сцены к сцене, праздничное настроение тускнеет, гаснет. Артисты О. Шестакова — мать Шуркиа Тифинична, героя пьесы — и О. Чуриков — молодой актер в Мексике, его двоюродный брат, — начинающие спектакль, не в силах взять сразу нужной темп, овладевать лириками. Удивительно буднично, с той простотой, что по словесию «уже востанет», играет артистка Шестакова, а О. Чуриков и вовсе производит крайне досадное впечатление своей непрофессиональной игрой: плохо двигается, плохо говорит.

С появлением Шуркиа — засл. арт. Чечено-Ингушской АССР и засл. арт. Казахской ССР О. Рештиниченко — становится чуть веселее. У Рештиниченко громадный опыт, и она не может вывести пьесу за рамки пустой развлекательности, лишенной,

128 ФЕВ 1959
ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА
Е. ЕЛАНЧИК